

Браконьер

Автор:

Фредерик Марриет

Браконьер

Фредерик Марриет

«Была бурная ветреная ночь в начале ноября 1812 года. По большой дороге около местечка Грасфорд, на юге графства Девон, проходили трое мужчин. На небе было почти полнолуние, но луну то и дело закрывали пронесившиеся сплошными вереницами густые темные облака, так что окрестный ландшафт освещался лишь урывками, ненадолго, с большими промежутками, по большей же части он оставался погруженным в темноту. Резкий, насквозь пронизывающий ветер гнул и качал во все стороны безлистые ветви деревьев, которыми дорога была обсажена по обеим сторонам...»

Фредерик Марриет

Браконьер

Глава I. В которой больше пива, чем дельных доводов

Была бурная ветреная ночь в начале ноября 1812 года. По большой дороге около местечка Грасфорд, на юге графства Девон, проходили трое мужчин. На небе было почти полнолуние, но луну то и дело закрывали пронесившиеся сплошными вереницами густые темные облака, так что окрестный ландшафт освещался лишь урывками, ненадолго, с большими промежутками, по большей же части он оставался погруженным в темноту. Резкий, насквозь пронизывающий ветер гнул и качал во все стороны безлистые ветви деревьев, которыми дорога была

обсажена по обеим сторонам.

Три вышеупомянутых человека, по-видимому, уделили чересчур много внимания пиву, которое подавалось в трактирчике под вывеской «Кот и Скрипка», находившемся в полумиле от Грасфорда. Из этого трактира они только что вышли. Двое из них, впрочем, были сравнительно трезвы и помогали идти третьему, который насилу передвигал ноги, поддерживаемый товарищами под руки. Вследствие его тяжести, а также может быть и собственного подпития, они шли не прямо, а зигзагами, мотаясь по дороге то вправо, то влево. Так дошли они до моста через одну из тех быстрых речек, которых так много в Девонском графстве. Войдя на мост, они, как бы по безмолвному уговору, положили бесчувственное тело товарища возле мостовых серил и в течение некоторого времени молча переводили дух. Один из них сам тоже довольно грузно облокотился на перила. Это был высокий стройный мужчина лет сорока в черном сюртуке и в слишком узких для него брюках, первоначальный цвет которых мы бы затруднились определить. На голове у него была шляпа пасторского образца, также очень поношенная. Вообще костюм на нем был весь потертый, но несомненно выдавший лучшие дни. Вся наружность этого человека громко говорила о том, что он раньше занимал совершенно другое положение в обществе. Так оно и было в действительности. За несколько лет перед этим он заведовал одним средним учебным заведением и получал хорошее жалованье, но привычка пить довела его до падения и разорения, и теперь он был просто учителем в начальной народной школе в Грасфорде, получая грошовую плату, по два пенса в неделю с ученика. Злополучная страсть к вину у него не проходила, и как только он получал свое недельное жалованье, так сейчас же и пропивал его в трактире или в пивной. Второй товарищ был совсем в другом роде – приземистый, коренастый, широкоплечий. На нем были короткие штаны, гетры, ботинки на шнуровке и толстая бумазейная куртка охотничьего покроя. По профессии он был разносчик.

– Как странно, – сказал разносчик, первый нарушая молчание и указывая на бесчувственное тело пьяного человека, лежавшее у его ног, – ведь вот пиво свалило его с ног, а между тем говорят, что оно кидается в голову. Если в голову, то при чем же тут ноги?

– Вы не хотите сообразить, а между тем это ясно, – отвечал народный учитель, который был несравненно пьянее своего собеседника, – ведь голова, когда в нее кидаются хмельные пары, становится тяжелее, а ноги, следовательно, легче центр тяжести перемещается, и человек не может удержаться в вертикальном

положении, а принимает горизонтальное, то есть попросту падает. Вам понятно такое объяснение?

– Пиво, которое мы пили, было, действительно, очень тяжелое, – отвечал коробейник, – и в этом я с вами согласен, но ведь пиво вливается не в голову и не в ноги, а в желудок, который находится в самой середине тела. Как вы вот это обстоятельство объясните, мистер Фернес?

– Байрс, вы не про то совсем говорите. Вы говорите про остающееся внизу, про осадок.

– И не думал я говорить про остающееся. Это значило бы говорить про то, чего нет. Вы весь кувшин опорожнили, так что ни капли не осталось.

– Хорошо, Байрс. Сейчас видно, что вы не были в гимназии. Теперь я попробую объяснить вам так: когда человек вливает себе в желудок некоторое количество крепкого напитка, то спиртные пары, как более легкая часть этого напитка, поднимаются ему в голову и желают ее тяжелой. Понимаете?

– Нет. Как же это от легкой вещи другая вещь может сделаться тяжелой? Это невозможно.

– Невозможно? А вы поглядите на этого несчастного человека, угостившегося не в меру. Вот вам и доказательство.

Говоря это, школьный учитель покачнулся и ухватился за перила.

– Совершенно верно. Я вижу, что он пьян, но я желаю знать, каким образом он дошел до опьянения.

– Пил – и допился.

– Это я и без вас знал.

– Так для чего же вы спрашиваете? Не лучше ли будет, если мы поскорее доставим этого человека к его несчастной жене, которая, вероятно, давно его ждет. Прескверная это вещь, когда кто пьянствует. Недаром говорит пословица:

«если ты хочешь отнять у врага его мозг, налей ему побольше в глотку».

– И всего-то полпинты выпил Рошбрук, – сказал коробейник, – а что с ним сделалось! Это оттого, что он, как говорят, был ранен в голову, и у него вытекла половина мозгов. За это он и пенсию получает.

– Да, семнадцать фунтов в год, каждые три месяца, и без всяких вычетов, причем и ходить за получением близко – всего четыре мили. Тоже вот и правительство наше – нашло кому благодетельствовать! Разве это работник? Нет. Он ничего не делает, только пьет целые дни и валяется на постели. А вот я, несчастный, ложусь поздно и встаю рано, и должен обучать здешних молодых олухов грамоте за два пенса в неделю. Справедливо ли это? Знаете, дружище Байрс, для человека часто бывает благодетельно то, что с виду далеко не похоже на благодеяние. Мне кажется, что если мы эту несчастную тварь сейчас возьмем и сбросим с моста в речку, то мы сделаем доброе дело. Все неприятности этого человека разом кончатся.

– И себя избавим от неприятности тащить его до дому, – прибавил Байрс, затеявший поднять на смех своего более пьяного товарища. – Я с вами совершенно согласен. Для чего оставлять ему жизнь? Это бесполезный человек, который только даром хлеб ест, паразит, пиявка, питающаяся потом и кровью народными, как пишут в нашем «Воскресном листке».

– Совершенно верно, мистер Байрс.

– Так как же? Кидать его, что ли?

– Нет, нет, погодите. Надо подумать, – возразил школьный учитель, берясь рукой за подбородок и соображая.

С минуту продолжалось молчание, наконец, учитель объявил:

– Нет. Я передумал. Этого нельзя. Я не могу. Он угощает меня пивом. Если бы он не получал пенсии, не было бы и пива. Такова посылка и таков вывод. С моей стороны это было бы черной неблагодарностью, и потому я никак не могу согласиться на ваше предложение. Нет, никак не могу, – продолжал учитель, – и даже буду защищать его против ваших кровавых намерений.

– Мистер Фернес, вас самих, должно быть, несколько развезло от пива. Ведь это же вы предложили сбросить Рошбрука с моста, а вовсе не я.

– Поосторожнее будьте в своих словах, мистер Байрс, – возразил народный педагог. – Вы что же это – обвиняете меня в убийстве или в покушении на убийство?

– Ни в чем я вас не обвиняю, но только вы предлагали мне сбросить его с моста, это я сказал, говорю и всегда скажу.

– Дружище Байрс! Принимая во внимание то состояние, в котором вы находитесь, я оставляю ваши слова без последствий. Пойдемте скорее, а не то я боюсь, что мне придется тащить уже не одного человека, а целых двух. Берите его за эту руку, я возьму за ту, и поднимемте его.

Пьяного опять потащили под руки, и он шел, бессознательно передвигая ноги. Вскоре компания добрела до одного коттеджа, в дверь которого народный педагог забарабанил так, что она зашаталась на петлях. Вышла отпереть высокая красивая женщина со свечкой в руке.

– Я так и знала, – сказала она, качая головой. – Старая история: теперь будет болен всю ночь и пролежит в постели до половины дня. Как тяжело быть замужем за пьяницей! Ну, что ж, вносите его, и сердечно благодарю вас за ваше беспокойство.

– Это верно, мы с ним порядком намучились, – заметил учитель, опускаясь на стул, после того как товарищ его и Байрса был уложен на кровать.

– Воображаю! – отозвалась женщина. – Мистер Фернес, не выкушаете ли вы легкого домашнего пива?

– С удовольствием, и мистер Байрс, я думаю, тоже не откажется. Какая жалость, что ваш муж не довольствуется одним домашним пивом.

– Да, действительно, – согласилась мистрис Рошбрук.

Она сходила в погреб и принесла кварту пива. Народный педагог выпил половину и передал посудину Байрсу.

- Где мой маленький приятель Джо? Наверное, крепко спит теперь?

- О, давно спит! Да ведь уж и мне бы самой пора спать: время-то позднее, первый час.

- Совершенно верно, мистрис... Покойной ночи, Рошбрук. Идем, мистер Байрс. Мистрис Рошбрук намерена ложиться в постель.

Народный учитель и разносчик ушли из коттеджа. Мистрис Рошбрук с минуту подождала, потом старательно заперла дверь.

- Ушли! - объявила она, возвращаясь к мужу. Со стороны всякий удивился бы до бесконечности, если бы мог видеть, как Рошбрук при этих словах жены быстро встал на ноги - совершенно трезвый. Это был высокий, стройный красивый мужчина, нисколько не похожий на пьяницу.

- Милая Джен, - сказал он, - погода хоть и ужасная, но я должен торопиться. Готово мое ружье?

- Все готово. Джо лежит на кровати, но совсем одетый, и встанет в одну минуту.

- Сейчас же позови его, времени нельзя терять ни одной секунды. Этот пьяный дурак Фернес предлагал бросить меня с моста в реку. Счастливы их Бог, что они не попробовали этого сделать, а то мне бы пришлось успокоить их навеки, чтобы они не болтали... Немой где?

- В прачечной. Я сейчас приведу и Джо, и его.

Женщина вышла из комнаты, а Рошбрук взял ружье и всю амуницию и снаряжился в поход. Минуты через две вбежала в комнату выпущенная из прачечной великолепная овчарка и спокойно улеглась у ног хозяина. Вслед за собакой вошла в комнату мистрис Рошбрук в сопровождении худенького, тоненького мальчика лет двенадцати. Он был не по летам мал ростом, но казался проворным и ловким, как кошка, и очень энергичным. Никак нельзя было

подумать, что он только сейчас проснулся. Его большие глаза были ясны, как у сокола, на лице не видно было ни малейших следов сна. Он степенно, но проворно вскинул на плечи сумку, взял в руку пук бечевки для силков и стал ждать отца. Мистрис Рошбрук загасила свет, тихонько отворила дверь на улицу, внимательно посмотрела кругом и вернулась к мужу. Тот тихо свистнул, давая сигнал мальчику и собаке, и вышел из дома. Не было произнесено ни одного слова. Дверь тихо затворилась, и все трое, крадучись, удалились прочь.

Глава II. В которой автор официально знакомит читателя с героем рассказа

Прежде чем продолжать наш рассказ, мы считаем уместным объяснить читателю то, что могло показаться ему непонятным, судя по одной первой главе.

Джозеф Рошбрук, ушедший из коттеджа с сыном и собакой, был уроженец того селения, в котором жил. Во времена его молодости, то есть лет за сорок до начала нашего рассказа, законы против браконьерства были не так строги и не так строго применялись, как в то время, к которым рассказ относится. Юношей Рошбрук очень любил шататься с ружьем по чужим владениям, как до него делал его отец, и ни разу не попадался. После нескольких лет браконьерства, превосходно, до тонкости изучивши все окрестности на многие мили кругом, он в один прекрасный день, загулявши на ярмарке, дал себя завербовать под пьяную руку в пехотный полк. Через три месяца полк отправили в Индию, где он пробыл одиннадцать лет, после чего был возвращен в Англию. Отсюда через полгода по случаю войны его отправили в Средиземное море, и там он оставался двенадцать лет. Рошбрук все время находился при полку, участвовал во всех его походах и в последний год службы получил тяжелую рану в голову, после чего был уволен в чистую отставку с пенсией. Он решил вернуться в родное село, найти там себе небольшую работу и, опираясь на пенсию, устроить свою жизнь более или менее сносно. На родине его почти никто не узнал. Одни сами эмигрировали, многих других сослали за браконьерство, так что вместо друзей и знакомых он нашел совершенно чужих людей и сам оказался для всех чужим. Состав землевладельцев также сильно переменялся: вместо сквайра такого-то или баронета такого-то оказывался то какой-нибудь крупный фабрикант, то разбогатевший купец, ликвидировавший свою торговлю и купивший себе имение. Все было ново для Рошбрука, и на своей родине он не чувствовал себя дома. Проговорить, отвести душу он мог только с Джен Эшли, красивой молодой девушкой, которая служила горничной в замке местного землевладельца. Она

была дочерью одного из его прежних друзей, сосланного за браконьерство. Двадцать четыре года тому назад, когда Рошбрук только что покинул родину, она была еще ребенком и не помнила его, но зато помнила многих из его сверстников и приятелей и могла кое-что о них порассказать. То обстоятельство, что ее отец пострадал за браконьерство, было в глазах Рошбрука лучше всякой рекомендации, и он кончил тем, что женился на Джен. В нем разом проснулась вся его прежняя страсть к браконьерству, а жена не только не сдерживала ее, но напротив того – поощряла. Кончилось тем, что года через два после женитьбы Джо Рошбрук сделался самым отчаянным браконьером во всей округе. Он часто навлек на себя подозрение, но ни разу не попадался. Спасало его то, что он умело прикидывался пьяницей по совету жены, которая подметила, что пьяниц почти никогда не подозревают в браконьерстве. Женин совет принес ему огромную пользу: как только ему удавалось доказать перед судьей, что в данную ночь его привели домой бесчувственно пьяного, судья сейчас же его отпускал. Пьяный человек какой же браконьер? Это считалось лучше всякого алиби. О Рошбруке установилось мнение, что он здорово выпивает и живет на пенсию и на то, что зарабатывает его жена. Никому и в голову не приходило, что он, напротив, сам добывает себе на хлеб ночную работой и даже откладывает кое-что на черный день. Впрочем, Джо Рошбрук и на самом деле был при случае не дурак выпить, хотя и жаловался на боль от раны в голове, но гораздо чаще он просто притворялся пьяным и делал это всякий раз, когда ночь бывала светлая при благоприятном для ночной охоты ветре. В первой главе мы как раз такой случай и описали.

Мальчик Джо – наш будущий герой. Читатель, вероятно, уже и сам об этом догадался. Джо родился у Рошбруков в первый же год их брака, и больше у них детей не было. Это был тихий, умный, не по летам рассудительный мальчик, до крайности набравшийся от отца любви к ночным прогулкам. Изумительна была в таком маленьком человеке эта смесь чрезвычайного благоразумия и осторожности с неутолимой жадной жаждой приключений. Правда-отец рано приучил его расставлять силки и прятать дичь, тогда как другие дети в этом возрасте могут разве только еще бегать в чужой лес за ежевикой. Семи лет Джо уже умел не хуже отца расставить силки и был посвящен во все тайны запретного искусства ловить чужую дичь. От постоянного недосыпания по ночам мальчик был худ и мал ростом, но это только способствовало отклонению от него всяких подозрений. Днем Джо аккуратно ходил в школу мистера Фернеса и, проводя без сна большую часть ночей, оказывался все-таки одним из самых лучших учеников. Никому в голову не могло бы прийти, что этот белокуренький мальчуганчик с такими ясными тихими глазами, такой прилежный к ученью, почти ежедневно проводит половину ночи в опасных экскурсиях, за которые закон не гладит по

головке. При этом Джо давным-давно зарубил себе на носу, что молчание – золото, и на него можно было положиться, что он никогда не выдаст, никогда не скажет лишнего слова. На это он был способен не больше, чем пес Немой, который совсем не мог ничего говорить.

Воспитанием можно привить человеку с детства какие угодно взгляды. Джо совершенно проникся взглядом своих родителей на браконьерство, как на совершенно обыкновенное дело, в котором нет ровно ничего дурного, каждое воскресенье он и его родители ходили аккуратно в церковь с безусловно спокойной совестью. Таким образом сам Джо, в сущности, ничуть не был виноват в том, что его нравственные устои в известном отношении были несколько расшатаны.

После этого необходимого объяснения продолжаем нашу повесть.

Ни одна шайка северо-американских индейцев не сумела бы придумать лучшего способа охоты, нежели тот, который избрало себе наше трио. Впереди шел Рошбрук, за ним наш маленький герой, за мальчуганом Немой. Никто не разговаривал. Шли лугами и полями, прячась за живые изгороди. Так прошли мили три с половиной и дошли до густого леса. Деревья были, по большей части, дуб да ясень. Ветер выл и свистал в их голых ветвях. Под прикрытием холодного сырого тумана, окутывавшего их, как саваном, браконьеры тихонько крались по торной тропинке и достигли противоположной стороны леса, где стоял коттедж смотрителя. Из коттеджа сквозь оконные стекла виднелся слабый свет.

Рошбрук вышел из-под деревьев и поднял кверху руку, чтобы определить, откуда ветер. Узнавши что следовало, он вернулся в лес и взял направление так, чтобы все время быть под ветром от домика сторожа, иначе сторож мог бы услышать выстрелы. Раздвинув живую изгородь, Рошбрук опустил ружье дулом вниз, так что оно было дюйма на два или на три от земли, и стал тихо, медленно, осторожно красться по хворосту. Джо и Немой продолжали так же тихо идти за ним. Рошбрук крался к тому месту, где любили собираться на ночь фазаны. Проходя под одним большим дубом, он увидел на нем множество круглых темных тел. То были спящие фазаны. Рошбрук взял прицел и выстрелил. Тотчас же на землю к ногам браконьера свалился мертвый фазан, которого проворно поднял Джо и спрятал в свой мешок. Еще выстрел, еще и еще... С каждым выстрелом в сумку мальчика попадала новая добыча. Всех фазанов было в короткое время настреляно семнадцать штук. Вдруг Немой тихо заворчал, давая знать, что близко чужой. Рошбрук хрустнул пальцами. Собака подошла и встала

впереди, насторожив уши и подняв хвост. Через минуту послышался шорох раздвигаемых ветвей, как будто кто пробирался через заросль. Рошбрук стоял и ждал от Немого сигнала, нет ли тут чужой собаки: в таком случае Немой должен бы был дотронуться передней лавой до его колена. Но Немой такого сигнала не подал. Тогда Рошбрук улегся на землю вод хворост, и его примеру исследовали его сын в собака.

Послышались голоса людей, говоривших шепотом, и в четырех ярдах от лежащих браконьеров показались темные очертания двух мужчин с ружьями.

– Готов поклясться чем угодно, что они где-нибудь здесь, – говорил один из них.

– Я и сам это думаю, но только они должны быть вот там подальше впереди. Ветер относит звук.

– Правильно. Пойдем туда за ними.

Незнакомцы прошли дальше в лес и скоро скрылись из вида. Подождав немного, Рошбрук прислушался к ветру убедился, что все благополучно, и пошел домой. Дойдя до открытого поля, он освободил Джо от тяжелой сумки и понес ее сам.

В три часа утра он постучался в свой коттедж с заднего хода. Джен отперла дверь и сейчас же спрятала принесенную дичь в секретное место. Затем все легли спать и крепко заснули.

Глава III. На какую дорогу вы выведете сына, по той он и пойдет и уже не пожелает сойти с нее

«Если бы краденого никто не покупал, не было бы и воров», – говорит старая пословица. Действительно, не будь, например, у Рошбрука способов для сбыта дичи, он не имел бы никакой выгоды от своего браконьерства. В деле сбыта ему очень помогал Байрс. Байрс был весьма основательный плут, не боявшийся никакого трудного дела. По ремеслу он считался каменщиком. Ремесло трудное, работа бывает далеко не всегда и вознаграждение дешевое. Это давало ему право прибегать к приходской помощи и большую часть года ничего не делать.

Подспорьем для существования служил ему также разносный торг, на который он ежегодно выбирал себе свидетельство и с коробом на голове ходил по крестьянским коттедгам, продавая разный товар, начиная от горшков и всякой посуды и кончая мелкими газетными листками вроде какого-нибудь «Propellera», возбуждающими низшие классы населения против высших. Вообще в Соединенном королевстве подобные свидетельства выдаются чересчур неосмотрительно, выдаются почти каждому, кто ни попросит. Следовало бы делать это с большим разбором. Так вот этот самый Байрс и был главным сбытчиком дичи, добываемой браконьером Рошбруком. Рошбрук приглашал его к себе за дичью обыкновенно на другой день после охоты рано утром, до рассвета, а накануне, в ночь охоты, бывал с ним обыкновенно в трактире и притворялся пьяным, причем тому же Байрсу приходилось тащить его домой. Этим браконьер ограждал себя от предательства со стороны разносчика.

Читатель видит, что мальчик Джо стоял на опасной дороге. Правда, он не сознавал, насколько он дурно поступает, помогая отцу, но все же ему, как мальчик он был неглупый, казалось порою странным, что все это делается в такой тайне. Ведь птицы летают свободно всюду, следовательно они ничьи, или принадлежать всем: отчего же нельзя стрелять их открыто и днем? Он слышал о том, что закон это запрещает, и недоумевал, что за странный такой закон. Счастьем было для Джо, что местный приходский пастор, хотя и не жил в самом Грасфорде, являлся по крайней мере раз в неделю в школу мистера Фернеса и экзаменовал учеников. Мистер Фернес в учебные часы был всегда в трезвом состоянии и очень гордился этими посещениями. Он указал пастору на Джо, как на очень способного мальчика, и тот обратил на него внимание, стал с ним заниматься, беседовать. Благодаря только этому Джо сделался прилежнее к урокам и усвоил себе честные правила, а не то, конечно, из него в конце концов вышел бы лодырь и негодяй, так как привычка к бродяжничеству взяла бы свое. Впрочем, Джо и дома не видел дурных примеров. Оставляя в стороне браконьерство, Рошбруки, муж и жена, были, в общем, вовсе не плохими людьми в обыденной жизни. Их честность в отношении соседей не оставляла лучшего желать, и сыну они постоянно внушали быть честным и правдивым. Читателю, быть может, это покажется странным, покажется аномалией, но мало ли аномалий на свете? Во всяком случае мы положительно утверждаем, что если маленький Джо и стоял на пути к нравственному развращению, то во всяком случае еще не вступал на него окончательно.

До начала нашего рассказа такую жизнь вел маленький Джо в продолжение трех лет. С каждым днем он становился все полезнее и полезнее своему отцу. В последнее время он ходил в школу только на утренние занятия, потому что

благодаря своему маленькому росту он мог делать больше отца и забираться туда, куда тот не мог отважиться пойти, не возбуждая подозрений. Маленького же Джо никому бы никогда и в голову не пришло подозревать. В искусстве расставлять силки и сети он не уступал отцу и, прыгая по-ребячески по полям и кустам, ловко выбирал из сетей пойманную дичь, которую сейчас же прятал где-нибудь на время, а потом приносил домой. Нередко он ходил на добычу один, без отца, только с Немым, и собака сейчас же давала ему знать об опасности, останавливаясь и поднимая уши и хвост, если случалось, что сторожа отыщут расставленные силки и лягут в чащу, подстерегая браконьера. Даже и в таких случаях Джо часто отказывался бить отбой, а ложился и полз на брюхе к силкам, доставал попавшуюся дичину и уползал обратно, не замеченный сторожами, которые глядели только прямо перед собой, ожидая увидеть высокую мужскую фигуру. А то еще несколько раз ему случилось собрать богатую добычу среди белого дня при помощи своего любимого бойцового петуха. Он надел на петуха стальные шпоры, отнес его в самую густую лесную чащу, выбрал там небольшую полянку и оставил его на ней, а сам спрятался. Петух сейчас же закричал «кукареку». На этот вызов не замедлил отозваться задорный фазан-самец и прилетел драться. Бой был недолгий: стальной шпорой петух разом заколол противника насмерть, после чего опять закричал. Прилетел на вызов другой фазан, которого постигла такая же участь. В какой-нибудь час или два маленькая полянка была вся залита кровью. Джо приполз, забрал в сумку петуха и убитых им фазанов и благополучно возвратился домой.

Таковы были занятия нашего героя. Хотя его отца часто подозревали, но на него самого ни разу не пало хотя бы малейшее подозрение. Вскоре, однако, случилось событие, разом перевернувшее всю его судьбу.

Глава IV. В которой автор усердствует изо всех сил, чтобы приноровиться к современному вкусу читающей публики

Мы уже говорили, что Байрс был скупщиком той дичи, которую добывал незаконно Рошбрук. В своих счетах с браконьером Байрс был не совсем добросовестен, уплачивал деньги неаккуратно и пытался даже его обсчитывать, но только тот не поддавался. Вследствие этого Байрс затаил к Рошбруку глухую вражду. Дело они, впрочем, продолжали вести вместе, хотя глубоко не доверяли друг другу.

В один субботний вечер они, по обыкновению, пришли в ту пивную, где всегда заседали и сговаривались. Пришел и Фернес. Он и другие посетители, бывшие тут, выпили лишнее и шумели, кричали. Несколько женщин, столпившись в сторонке (это все были жены пьянствовавших тут крестьян) терпеливо и печально дожидались, когда их мужья, наконец, пойдут домой, пропивши значительную часть своего недельного заработка. Байрс держал в руках какой-то печатный листок, переданный ему школьным учителем, и громко читал что-то нелепо ругательное по адресу решительно всех правительств на свете, по адресу всех монархов и по поводу всяких законов. В это время в комнату, где все сидели, вошел какой-то незнакомец. Рошбрук собирался уже допить свое пиво и идти домой. Был субботний вечер, а он всегда чтит воскресенье и в ночь под такой день никогда не ходил на браконьерство. Поэтому он в этот Раз не намеревался, как обыкновенно, прикидываться пьяным. Но при входе незнакомца он, к своему великому изумлению, увидел, что тот переглянулся с Байрсом, а потом оба сделали вид, будто совсем незнакомы друг с другом. Рошбрук насторожился, однако и вида не показал, что заметил что-нибудь. Незнакомец сделал кивок в сторону Байрса. Тот, продолжая читать, ответил ему также кивком. В незнакомце было что-то такое напоминающее лесного смотрителя или объездчика – так, по крайней мере, показалось Рошбруку. Он почувствовал, что в воздухе скопляется что-то скверное, что-то опасное для него. Байрс и незнакомец как будто не нарочно взглянули на него одновременно. Он поймал их взгляд, подумал немного и тут же переменяет свое прежнее намерение – отправиться вскоре домой. Он решил опять разыграть пьяного и спросил себе еще пинту пива. Распивая, он говорил все громче и громче, потом улегся головой на стол. Через несколько минут он приподнял голову, выпил еще и совсем повалился на скамью. Посетители понемногу разошлись, остались только учитель, разносчик и незнакомец. Учитель предложил отвести Рошбрука, как обыкновенно, домой, но Байрс отозвался, что сегодня учитель может не возиться с Рошбруком, что Байрс потом отведет пьяницу домой один, с помощью своего приятеля. Учитель, пошатываясь, ушел. Байрс и незнакомец остались вдвоем. Они сидели на скамье недалеко от лежавшего Рошбрука и он вполне свободно мог слышать, о чем они говорили. Разносчик объяснил, что он вот уже подряд несколько ночей подстерегает Рошбрука, но до сих пор не видал его выходящим из коттеджа. Сынишку его он зато встречал не один раз. Далее Байрс сообщил, что Рошбрук обещался сдать ему дичь во вторник ночью, а на добычу собирается выйти в понедельник и также, конечно, ночью. Словом, Рошбрук узнал, что против него целый заговор, что разносчик предаст его самым безбожным образом незнакомцу, который сказался из разговора же новым лесным смотрителем, недавно поступившим на службу к владельцу поместья. Разговор закончился обещанием Байрса принять

личное участие в поимке своего прежнего товарища и союзника. Заключивши такое условие, разносчик и смотритель взяли Рошбрука под руки, приподняли и отвели в коттедж, где и сдали на руки жене. Как только дверь за ними затворилась, Рошбрук свирепо вскочил. Вся долго сдерживаемая ярость вырвалась у него разом наружу. Он стукнул по столу кулаком, так что его жена обмерла от страха, и поклялся, что разносчик дорого заплатит за свой подлый донос. На вопрос жены Рошбрук торопливо и коротко объяснил ей в чем дело. Та, разумеется, тоже вознегодовала на доносчика, та, как женщина, пришла в ужас от предстоявшего кровопролития и стала упрашивать мужа лечь поскорее в постель. Тот послушался, лег, но заснуть не мог, обдумывая план кровавой мести предателю. Будь на его месте человек, привыкший к безмятежной, мирной жизни, разумеется, такой человек скоро бы успокоился и перестал бы витать кровавые замыслы, но Рошбрук четверть века провел на войне, привык видеть кровь, и убить человека для него ничего не стоило. Встал он утром с твердым решением убить доносчика. За завтраком он спокойно слушал уговоры жены и даже обещал ей оставить Байрса в покое. Он сказал ей, что пойдет на охоту не в понедельник, как намеревался, а нынче ночью, и таким образом избежит расставленных ему сетей. Джен попросила было его совсем не ходить, но на это он не согласился. Нужно было показать, что он ничего не заметил и ни о чем не догадывается. Он предупредил Байрса, что сдаст ему дичь не во вторник, а в понедельник. Рошбрук имел в виду встретиться с Байрсом наедине, уличить его в гнусном предательстве и жестоко ему отомстить.

Зная, что Байрс ночует в трактире, он перед вечером, еще засветло, зашел туда и сказал разносчику, что задумал пойти на охоту не завтра, а сегодня же в ночь, и что не лучше ли будет Байрсу прийти за дичью не во вторник, а теперь же, в эту же ночь, не в коттедж, а в такое-то место в лесу. Байрс согласился так сделать, а сам решил предупредить обо всем смотрителя, чтобы тот мог изловить Рошбрука. Назначено было и время для встречи – два часа ночи.

Рошбрук был уверен, что Байрс уйдет из трактира за час или за два до назначенного времени, чтобы успеть предупредить смотрителя. Поэтому он спокойно дождался двенадцати часов и тогда взял ружье и ушел, не взяв с собою ни собаки, ни Джо. Джен заметила это и догадалась, что муж идет не на охоту, а для того, чтобы привести в исполнение свой план мести. Она стала смотреть, куда он пойдет, и увидела, что он пошел ее в лес, а по дороге в трактир. В ужасе, что непременно случится несчастье, она разбудила Даю и упросила его пойти вслед за отцом, последить за ним и постараться удержать его. Говорила она торопливо, взволнованно и бессвязно, так что Джо понял только, что за отцом надобно следить и смотреть, что будет, а что, собственно,

должен он делать – он так и не узнал. Позвав Немого я надел сумку, которая была теперь, пожалуй, и не нужна, мальчик поспешно вышел.

Ночь была темная, месяц еще не вставал, и очень холодная. Но к темноте и к холоду Джо давно привык. Самого его не было видно, но он отчетливо видел все предметы. Вскоре он дошел до ограды трактира. Немой собрался идти туда, из чего мальчик заключил, что отец где-нибудь недалеко. Он пригнул собаку рукой к земле, присел сам и стал ждать.

Минут через пять из трактира вышла темная фигура и быстрыми шагами пошла по репному полю. Вскоре показалась откуда-то другая фигура, в которой Джо узнал отца, и стала украдкой догонять первую. Немного подождав, Джо пошел следом за обеими фигурами, сопровождаемый Немым. В таком порядке все трое приблизились к лесу. Тут Рошбрук пошел быстрее, то же самое сделал и его сын, так что все три группы стали быстро сближаться между собою. Байрс – это он вышел из трактира – шел мимо опушки, не подозревая, что за ним гонятся. Рошбрук был теперь от разносчика в пятнадцати ярдах, такое же расстояние было между отцом и сыном. Вдруг Джо услышал звук взводимого курка.

– Отец! – негромко сказал Джо. – Не де...

– Кто там? – крикнул, оборачиваясь, разносчик. В ответ ему сверкнул и прогремел выстрел. Разносчик упал в кусты дрока.

– Отец! Отец! Что ты сделал! – вскричал, подбегая, мальчик.

– Ты здесь, Джо? – сказал Рошбрук. – Зачем ты здесь?

– Меня мать послала.

– Чтобы против меня оказался свидетель! – в ярости вскричал отец.

– О, нет, не для этого, а для того, чтобы тебя удержать. Отец, что ты это сделал?

– Я сделал то, о чем уже теперь же сожалею, – отвечал тот мрачно. – Но дело сделано и...

– И что, отец?

– И я теперь, кажется, убийца, – отвечал Рошбрук. – Но он подлец, он сделал на меня донос, меня сослали бы на каторгу, и я провел бы остаток своей жизни в кандалах из-за нескольких штук фазанов! Пойдем домой.

Он сказал это, а сам не двигался с места. Опираясь на ружье, он пристально смотрел на то место, где упал Байрс.

Джо стоял с ним рядом. Оба молчали. Так прошло минуты три. Наконец, Рошбрук сказал:

– Джо, мой мальчик, в свое время я часто убивал людей и спокойно после этого засыпал по ночам. Но то было на войне, я был солдат, это был мой долг, мое ремесло. А теперь я не в силах взглянуть на этого человека. Он был мой враг, но я его убийца – я это чувствую... Послушай, мальчик, подойди к нему – тебе нечего бояться встречи с ним – и посмотри, действительно ли он мертв.

Джо, вообще ничего никогда не боявшийся, на этот раз почувствовал страх. Ему нередко приходилось пачкать руки кровью зайцев и птиц, но мертвых людей он еще не видывал. Он медленно и весь дрожа направился в темноте к кустам дрока, где лежало тело. За ним нерешительно поплелся Немой, поднимая сперва одну лапу и делая паузу, потом поднимая другую, и когда они приблизились к телу, умный пес поднял голову и завыл так мрачно, так зловеще, что наш маленький герой невольно отпрянул назад. Впрочем, Джо скоро опомнился и опять подошел к телу. Наклонившись над ним, он мог разглядеть только общие очертания. Он прислушался – дыхания не было и признака. Позвал разносчика по имени – не получил ответа. Приложил руку к его груди и сейчас же отдернул ее: рука оказалась вся в теплой крови.

– Отец, он мертв, совершенно мертв, – прошептал, возвратившись, Джо. Он весь дрожал. – Что теперь нам делать?

– Идти домой, больше ничего, – отвечал Рошбрук. – Да, это очень нехорошее, очень дурное дело...

Не сказав больше друг другу ни слова, Рошбрук и Джо вернулись с Немым в коттедж.

Глава V. Грехи отца взыскиваются на сыне

В отсутствие мужа Джен нестерпимо тревожилась и тосковала, стараясь уловить малейший звук. Каждые пять минут она приоткрывала дверь и поглядывала, не возвращается ли Рошбрук. Постепенно тревога ее дошла до высшей точки. Бедная женщина положила голову на стол и заплакала. Это ее не облегчило. Оля места себе не находила от тоски. Наконец, она упала на колени и стала молиться.

Молча взывала она ко Всемогущему, когда в дверь коттеджа послышался стук. Муж возвратился. Он казался угрюмым и пасмурным и, войдя, так небрежно бросил ружье, что оно упало на пол и звякнуло. Уже это заставило Джен почувствовать неладное. Рошбрук сел, не говоря ни слова. Прислонясь к спинке стула, он уставился глазами в потолок, глубоко о чем-то раздумывая и как будто даже не замечая присутствия жены.

– Что случилось? – спросила Джен, с трепетом кладя руку ему на плечо.

– Не говори со мной, – отвечал он.

– Джо, что такое произошло? – шепотом спросила она у мальчика. – Что он сделал?

Джо не ответил, только показал свою руку, всю красную от присохшей к ней крови.

Джен слабо вскрикнула, упала на колени и закрыла себе лицо руками, а Джо пошел в кухню смывать с себя следы темного дела.

Через четверть часа Джо вернулся и сел на свой низенький стул. Никто не произнес ни слова.

Страшно тягостная вещь – предчувствие грядущего наказания за сделанное преступление. То, что переживали в эти минуты обитатели коттеджа, было

прямо ужасно. Рошбрук был положительно подавлен нахлынувшими ощущениями. Раньше – крайнее возбуждение, с которым он не мог совладать и которое толкнуло его на убийство, теперь на смену этому Возбуждению – крайняя моральная прострация, полнейший упадок духа. Джен боялась и того, что теперь есть, и того, что будет потом. Глазам ее мерещилась виселица, ушам чудился кандалный лязг. Она предвидела грядущий позор, бедствия, страдания, угрызения совести для своего мужа и терзалась за него сама. Джо, бедный мальчик, терзался за обоих – и за отца, и за мать. Даже Немой взглядывал порою на Джо такими глазами, что казалось, будто и он, пес, понимает, что сделано безумное, злое дело. Никто не решался нарушить тяжкого безмолвия, которое прервал, наконец, бой часов на церковной колокольне, пробивших ровно два. Этот бой прозвучал для всех троих, как звон по покойнике, и сразу напомнил им как о временном, так и о вечном. Но вечное могло подождать, а временное было тут, у дверей. Нужно было что-нибудь предпринять. Через четыре часа начнется рассвет, и кровь убитого человека завопит к товарищам-людям об отмщении. Взойдет солнце и осветит темное дело, мертвеца найдут и принесут домой, соберутся судьи, и на кого тогда обратится подозрение?

– Боже милостивый! – вскричала Джен. – Что теперь делать?

– Улик ведь нет, – пробормотал Рошбрук.

– Улика есть, – заметил Джо, – я оставил там свою сумку.

– Молчи! – крикнул Рошбрук. – Да, – прибавил он с горечью, обращаясь к жене, – это твоих рук дело. Зачем ты послала за мной мальчика? Вот против меня и улика. Теперь, если меня повесят, я буду обязан этим тебе.

– О, не говори так, не говори! – взволновалась Джен, падая на колени и горько рыдая в передник, которым закрыла лицо. – Да что же ты? Ведь времени еще много, – вскричала она, вскакивая на ноги. – Джо успеет сходить и принести сумку. Ты сходишь, Джо? Сходи, голубчик. Тебе бояться нечего, ты не виноват.

– Матушка, по-моему, лучше оставить ее там, где она есть, – спокойно возразил Джо.

Рошбрук взглянул на сына с чрезвычайным изумлением. Джен взяла его за руку. Она почувствовала, что сын говорит неспроста, что у него есть какая-то мысль, есть план.

- Почему так, Джо? - спросила она.

- Я думал об этом все время, - сказал мальчуган. - Я в деле неповинен, и потому мне не так страшно, если меня и заподозрят. Все знают, что сумка моя. А ружье я отнесу туда же и брошу неподалеку, переходах в двух. Вы мне дадите сколько-нибудь денег, если у вас есть, а если нет, обойдусь и так. Но времени нельзя терять. Через десять минут меня уже не должно здесь быть. Завтра начните всех спрашивать, не видал ли кто-нибудь меня или не слышал ли чего-нибудь обо мне. Говорите всем, что я скрылся из дома в эту ночь. Я тем временем успею уйти далеко. Кроме того, разносчика найдут, вероятно, не раньше, как через день или через два. По сумке и по ружью все, разумеется, сейчас же придут к мысли, что разносчика убил я, но невозможно будет решить, каким образом я это сделал: нечаянно ли, и со страха убежал, или нарочно. Вот, что я придумал, матушка, чтобы спасти отца.

- Дитя мое, ведь этак я никогда тебя больше не увижу! - возразила мать.

- Отчего же? Вы можете переселиться отсюда после того, как все уляжется. Ну, матушка, скорее! Нельзя времени терять!

- Рошбрук, ты что скажешь? Ты как думаешь? - спросила Джен у мужа.

- Правда, Джен, мальчику лучше уйти от нас. Видишь ли, я сказал Байрсу, а тот, конечно, передал смотрителю, если виделся с ним, что я возьму Джо с собою. Я это сказал для того, чтобы его обмануть, но теперь, конечно, мальчика будут допрашивать, как свидетеля. Это так же верно, как то, что я вот сижу здесь на этом месте.

- Это несомненно, - вскричал Джо, - и что же я буду тогда делать? Солгать под присягой я не решусь, не хватит духу, а я не желаю быть доказчиком на родного отца. После этого мне только одно и остается - уйти.

- Правда, мой мальчик, правда. Уходи, и да будет над тобой мое благословение, хоть и грешное, но все-таки отцовское. Бог да простит меня! Джен, отдай ему

все деньги, какие у нас есть. Да проворнее, проворнее, жена! Надо торопиться.

Рошбрук волновался и тревожился.

Джен подбежала к шкафу, отперла маленький ящичек и высыпала сыну в пригоршни все деньги, какие там оказались.

– Прощай, мой мальчик! – сказал Рошбрук. – Твоя отец говорит тебе: спасибо!

– Да хранит тебя Бог, родное мое дитя! – вскричала Джек, обитая сына. По ее щекам в три ручья лились слезы. – Пиши нам – или нет, нет! Боже упаси писать!.. О, как тяжело! Я никогда больше тебя не увижу!

И Джен упала на пол в обмороке.

В глазах нашего героя стояли слезы, когда он прощался с матерью при подобной обстановке. Еще раз пожал он руку отцу и, не позабывши захватить ружье, вышел из коттеджа через заднее крыльцо. «Немой» хотел было тоже пойти с ним, но Джо прогнал его назад и один вомчался волями со всей быстротой, на какую только были способны его маленькие ноги.

Глава VI. Свет не клином сошелся

Многим из наших читателей, несомненно, случалось опадать на распутье двух дорог и останавливаться в недоумения, куда свернуть: вправо или влево, если дорога была незнакомая. Обыкновенно в таких случаях принято поворачивать на более широкую и торную из двух дорог, потому что она представляется как бы продолжением главной. Так вот и мы теперь стоим на распутье и думаем: за кем бы нам пойти и повести читателя: за мальчиком Джо или за его родителями? Так как герой рассказа имеет больше значения, чем второстепенные личности, то мы решимся последовать за ним самим.

Положивши ружье так, чтобы оно могло попасть на глаза прохожим, Джо пустился по большой дороге и шел так быстро, что еще до рассвета успел удалиться миль на десять от родной деревни. Когда рассвело, он сошел с дороги

и пошел полями, держась параллельно дороге. Так прошел он пятнадцать миль и, утомившись, сел отдохнуть.

До этой минуты, с самого ухода из дома, Джо все время думал исключительно об одном – как бы поскорее скрыться хорошенько и подальше и отвлечь подозрения от отца. Теперь, когда основная задача была исполнена, у него возникли другие мысли. Прежде всего ему припомнился ряд предшествовавших его уходу мрачных сцен, йотом прощание с матерью, лежавшей в обмороке – при этом воспоминании он даже заплакал – и, наконец явилась мысль о собственном опасном положении: двенадцатилетний мальчик, бредущий наугад, куда глаза смотрят, это не легко. Что он будет делать? Тут он вспомнил, что мать дала ему денег. Он сунул руку в карман, достал свое богатство и пересчитал его: оказалось 1 фунт и 16 шиллингов, и все серебряною монетою. Для него это была огромная сумма. Несколько успокоившись, он стал раздумывать, как ему лучше поступить. Куда пойти? Конечно, в Лондон. Он знал, что это далеко, но чем дальше от дома, тем было лучше. Кроме того, он много слышал про Лондон и знал, что там каждый может найти себе дело. Он встал и пошел, решив, что еще два дня будет идти не по дороге, а около нее, чтобы с кем-нибудь не встретиться из знакомых. Так дошел он до реки, которая оказалась для него чрезвычайно глубока и широка, а брода не было. Потому он вернулся опять на дорогу, чтобы перейти через мост. Оглядевшись кругом и убедившись, что поблизости никого нет, он перескочил через невысокую каменную ограду дороги и вступил на мост, как вдруг увидел перед собой старуху с корзиной небольших черных хлебцев, похожих на имбирные коврижки. Застигнутый врасплох, он не знал, что ему сказать, и спросил старушку, не проезжала ли тут телега.

– Проезжала, дитятко, проезжала, – отвечала старуха, – только она уже отъехала далеко вперед, не меньше мили.

– Я еще не завтракал сегодня и очень голоден. Вы этими хлебами не торгуете ли?

– Торгую, дитятко, иначе зачем бы они мне? Продаю по одному пенсу за три штуки – очень дешево.

Джо достал из кармана шесть пенсов, купил у старухи хлебов на всю эту сумму, сложил их стопкой и пошел с ними дальше. Сойдя опять с дороги на поле, он позавтракал половиной своей провизии и продолжал путь. Так шел он приблизительно до первого часа дня и очень устал. Севши отдохнуть, он съел

остальные булки, привалился под стогом и крепко заснул. Всего в этот день прошел он не менее двадцати миль. Все время спеша и волнуясь, он не обращал внимания на погоду и не позаботился о том, чтобы выбрать себе более укромное убежище, нежели стена стога, приходившаяся, правда, тогда за ветром. Проспал он с час, не больше, как ветер подул с другой стороны, и повалил густой снег. Джо продолжал спать, да так бы, вероятно, никогда больше и не проснулся, если б мимо стога не прошел со своей собакой пастух, возвращавшийся на ночь домой. Снег успел покрыть мальчика слоем толщиной в полдюйма, и пастух его так бы и не заметил, но собака подбежала и принялась лапами разгребать снег. Тогда пастух поднял его всего окоченелого и частью дотащил, частью донес на руках до кузницы, стоявшей на краю ближайшей деревушки. Здесь мальчугана кое-как отогрели и привели в чувство. Проспи он под снегом еще час-другой, и наш рассказ прекратился бы сам собою, потому что кончилась бы вся история вашего малолетнего героя.

На обращенные к нему вопросы, кто он, откуда и как сюда попал, Джо не отвечал ничего, стараясь привести сначала в порядок свои мысли. Потом он объяснил, что он далеко отстал от своих родителей, что он направляется в Лондон, но утомился и заснул под стогом и теперь боится, что в Лондон не попадет и родителей своих не отыщет.

- Ну, ничего, мы как-нибудь устроим, что ты их догонишь, - сказал пастух.

Жена кузнеца принесла немного теплого пива и напоила мальчика. Это его подкрепило. В это время к кузнице подъехал воз и остановился у дверей.

- Моя старая кобыла расковалась, дружище, - сказал возчик. - Не можешь ли ты мне ее подковать поскорее?

- В пять минут подкую, - отозвался кузнец. - А ты не в Лондон ли едешь?

- В Лондон, как раз.

- Вот тут один бедный мальчик отстал от своих родителей - не подвезешь ли ты его?

- Не знаю... А заплатят мне за это, конечно, на том свете, в будущей жизни?

– Разумеется... Но ведь там хорошо платят, если кто заслужит.

– Ладно, полагаю, там не будут разбирать, на которой из своих восьми кляч я возил – одинаково заплатят... Ну, малец, полезай на воз и садись на солому поверх клады.

– Нет, дитяtko, сначала ты пойдй ко мне вот сюда, – сказала жена кузнеца. – Ты, небось, очень голоден. Джон покуда ты будешь ковать лошадь, я покормлю мальчика.

Женщина поставила перед Джо тарелку с говядиной, нарезанной маленькими ломтями, и он сейчас же принялся ее уписывать.

– Есть ли у тебя деньги, мальчуган? – спросила женщина.

Джо подумал, что с него спрашивают плату.

– Есть, мэм! Вот тут целый шиллинг, – отвечал он и выложил на стол серебряную монету.

– Бог с тобой, мальчик! За кого ты меня принимаешь? Неужели ты думаешь, что я способна взять с тебя деньги? До Лондона путь неблизкий, хоть тебя теперь и повезут на лошади. Знаешь ли ты, куда ты там пойдешь и что будешь делать?

– Да, мэм, – отвечал Джо. – Я думаю поступить в конюшенные мальчики.

– Это очень хорошо, но до тех пор тебе сто раз пригодится твой шиллинг. Есть-то ведь ты захочешь! Скажи, ты теперь совсем согрелся?

– Да, мэм, очень вам благодарен.

Джо перестал есть, поблагодарил добрых людей и забрался на воз, захватив узелок с провизией, которую позаботилась дать ему на дорогу добрая кузничиха. Воз тихо двинулся, позвякивая бубенцами. Оправившийся Джо удобно устроился на соломе, довольный тем, что благополучно доедет до Лондона без дальнейших расспросов. Через три дня и три ночи он, сам того не зная, очутился вечером на улице Оксфорд-стрит.

- Ты знаешь ли, мальчик, дорогу-то? – спросил возчик.

- Я могу спросить, – отвечал Джо, – когда подойду к свету и прочту адрес. Прощайте, спасибо вам, – продолжал он, радуясь, что отделался от всех вопросов своими уклончивыми ответами.

Возчик пожал ему руку на прощанье, и наш герой очутился в полном одиночестве среди огромной столицы.

Что он будет делать? Прежде всего нужно было найти себе койку для ночлега. Несколько раз прошелся он взад и вперед по Оксфорд-стриту, но встречные люди шли все так торопливо, что он не решился кого-нибудь из них остановить и спросить. Наконец, мимо прошла девочка лет семи или восьми и пристально на него поглядела.

- Не можете ли вы мне сказать, где я найду себе койку для ночлега? – обратился он к ней.

- А гвозди у тебя есть? – ответила девочка.

- Что? Какие гвозди? – не понял Джо.

- Ну, деньги. Да ты, я вижу, совсем зеленый.

- У меня есть шиллинг.

- Идет. Пойдем, ты будешь ночевать со мной вместе. Джо пошел за ней в простоте сердца, радуясь, что так удачно попал. Она привела его на какую-то улицу в местности Тоттенгэма – без фонарей, но с высокими домами в несколько этажей.

- Возьми меня за руку, – сказала девочка, – и старайся ступать осторожнее в темноте.

Следуя за своей проводницей, Джо дошел до настежь раскрытой двери. Они поднялись по темной лестнице во второй этаж, и вошли в комнату, где Джо

увидел десятка два девочек и мальчиков приблизительно такого же возраста. В комнате, довольно просторной, стояло несколько кроватей. В середине, на полу, вокруг сальной свечи, сидели группой человек восемь или десять обитателей комнаты, и двое из них играли в засаленные карты, а остальные смотрели. Прочие спали или так лежали на кроватях.

– Вот моя кровать, – сказала девочка. – Можешь прилечь, если ты устал, а я еще не буду ложиться. Я лягу потом.

Джо устал и потому сейчас же лег. Постель была не особенно чистая, но за это время он ко всему привык. Нечего и говорить, что Джо попал в очень дурное общество, состоявшее из малолетних воришек и карманников, которые, двигаясь дальше по преступному пути, обыкновенно кончают ссылкой в Ботани-Бей.

Джо заснул крепко, а когда поутру проснулся, его новой приятельницы с ним не оказалось. Он оделся и хватился своих денег: все было утащено до последней полушки. Все вытащили из кармана платья, пока он спал! Он поделился было горем с одним или двумя мальчиками, но те его же подняли на смех, обозвали молокососом и наговорили еще таких слов, что Джо понял, наконец, с кем имеет дело. После короткой перебранки трое или четверо мальчишек набросились на него и вытолкали его вон из комнаты. Джо очутился на улице без копейки денег, но с большим желанием основательно закусить.

Наш герой принялся ходить по магазинам и мастерским, прося места или работы, но везде получал неизменно отказ. Так проходил он весь день, а вечером, измученный и голодный, заснул на каменных ступенях чьего-то подъезда. Утром он проснулся, дрожа от холода и обессилев от голода. У кого он ни просил поесть, никто ему не дал. Только воды он где-то попил из крана, благо это ничего не стоило. Следующий день бедный мальчик также пробыл без пищи, а ночь опять провел на подъезде какого-то богача на Берклейском сквере.

Глава VII. Хотите найти себе место – отправляйтесь в Лондон.

Мальчик проснулся измученный, истощенный и снова пустился на бесплодные поиски хлеба и работы. День был ясный, и на солнце значительно потеплело, когда наш герой проходил Сент-Джемским парком ослабевший, голодный и в

полном унынии. На скамейках сидели кое-кто из гуляющей публики, но Джо, при всей своей усталости, не решался сесть рядом с другими и робко ходил по аллеям, жалобно поглядывая на публику, и, конечно, ни от кого ничего не получая. Наконец, он почувствовал, что не может больше держаться на ногах, и со смелостью отчаяния подошел к скамейке, на которой уже кто-то сидел. Сначала он только прислонился к ручке скамьи, но потом, видя, что сидевший на скамье господин не смотрит в его сторону, решился сесть на другом конце. Сидевший на скамейке господин был в утренней тужурке *la militaire* и в черном галстуке.

В руках, обтянутых светлыми перчатками, он держал тоненькую тросточку и задумчиво чертил ею на песчаной дорожке круги и узоры. Ростом он был футов шести и очень хорошо сложен. Черты лица его были замечательно красивы, темные волосы кудрявились от природы сами, а усы и бакенбарды (в то время все военные так носили) были старательно выхолены. Но при всей своей счастливой наружности он далеко не казался человеком из высшего общества, не имел вида утонченного джентльмена. Манерам его недоставало известной выдержки, той *retenue*, которая характеризует людей высшего круга. Проходившие мимо няньки с детьми восклицали: «Какой красивый барин сидит!», но никто из более высокого класса не назвал бы его барином, а сказал бы просто: «Какой красивый мужчина!» На вид ему было лет тридцать пять, а в действительности, может быть, и больше. Бросив чертить палкой по песку, он оглянулся кругом себя и увидел Джо на другом конце скамейки.

– Надеюсь, ты чувствуешь себя довольно удобно здесь, мальчик, – сказал он. – Но только ты, кажется, совсем забыл, что тебя послали по делу.

– Меня куда никто не посылал, сэр, потому что я никого здесь не знаю, и себя я вовсе не хорошо чувствую, а умираю с голода, – отвечал дрожащим голосом Джо.

– Ты это серьезно говоришь или только морочишь меня?

Джо покачал головой.

– С позавчерашнего утра я ничего не ел и чувствую теперь слабость и тошноту, – отвечал он.

Новый знакомый серьезно и пристально посмотрел в лицо мальчику и, должно быть, удостоверился, что тот говорит правду.

– Клянусь спасением моей души, – вскричал он, – немножечко хлеба с маслом было бы для тебя очень не вредно. Вот, – продолжал он, опуская руку в карман тужурки, – возьми себе эту медную мелочь и сбегай поскорее – купи себе чего-нибудь поесть.

– Спасибо, сэр, большое вам спасибо. Но только я не знаю, куда пойти: я только два дня, как приехал в Лондон.

– Так ступай за мной, если ноги тебя еще носят, – сказал господин.

Идти пришлось недалеко: у входа в Спринг-Гарден стоял торговец с горячим чаем, булками и маслом. Джо в пять минут успел утолить острый голод.

– Лучше ли ты себя теперь чувствуешь, петушок?

– Лучше, сэр. Благодарю вас, сэр.

– Прекрасно. Теперь пойдём опять сядем на скамейку и поговорим. Ты расскажешь мне все о себе.

Когда они сели на прежнее место, господин сказал:

– Ну, рассказывай, кто твой отец, если он еще жив, и кто он такой был, если уже умер.

– У меня родители оба живы, но только они далеко. Отец служил в солдатах и теперь получает пенсию. – В солдатах был? Не знаешь, в котором полку?

– Знаю. Кажется, в 53-м.

– Боже мой, в моем полку! А как его и твоя фамилия?

– Рошбрук.

– Так и есть! Он самый!.. Он у меня в роте служил и был одним из лучших моих солдат. Прекрасный фуражир, всегда заботился о своем офицере, как и следует хорошему солдату. Бывало, где только не окажется индюшка, или гусь, или утка, или свинушка – уж он тут и непременно добудет. Молодец был на браконьерство. Теперь изволь объяснить (да говори правду, потому что ты во мне друга встретил): по какому случаю ты расстался со своими родителями?

– Я испугался, что меня заберут...

Джо запнулся, не зная, что сказать дальше. Поделиться с новым знакомым тайной своего отца он не осмеливался, а говорить ложь не хотелось. Он решил сказать полуправду.

– Испугался, что заберут? Что же такое мог натворить такой карапуз, как ты, чтобы его забрали?

– Я браконьерствовал, – отвечал Джо, – помогал отцу. Против меня нашлись улики, и я ушел из дома – с согласия отца и матери.

– Браконьерствовал вместе с отцом! Охотно верю и нисколько не удивляюсь. У вас у обоих это, несомненно, в крови. Что же теперь ты думаешь делать?

– Буду зарабатывать себе пропитание.

– Что же ты умеешь делать – помимо браконьерства, разумеется? Ты грамотный? Читать и писать умеешь?

– О, да!

– Хочешь поступить в лакеи – чистить сапоги, платье, стоять на запятках кэба, бегать на посылках, относить письма и держать за зубами язык?

– Я думаю, что все это я могу – ведь мне уж двенадцать лет.

– Еще бы! Лета большие. Совсем старый хрыч. Ну, вот что, мальчик: в память твоего отца, я сделаю для тебя, что можно покуда – в ожидания лучшего. Я беру тебя к себе на службу. Пойдем со мной. Тебя как зовут?

– Джо.

– Припоминаю: твоего отца также звали Джо. А если тебя кто спросить, как зовут твоего барина, говори – капитан О’Донагю. Иди же за мной, только держись от меня не слишком близко, покуда я тебя не одену как следует и не приведу в приличный вид.

Глава VIII. Посвящена родословию

Полагаю нелишним познакомить читателей более подробно с личностью капитана О’Донагю и со всем, к нему относящимся.

Если верить отцу капитана, то предки гг. О’Донагю были ирландскими королями еще задолго до О’Конноров. А почему же нам ему и не верить? Кто же лучше может знать родословную своей фамилии, как не член этой самой фамилии? Правда, никаких документов нам не было представлено, но зато мы имеем утверждение мелкотравчатого сквайра О’Донагю, что его предки были королями в Ирландии уже тогда, когда О’Конноров не было еще и в помине. Ну, что ж, будем этому верить. Тем более, что ведь короли в старину бывали разные. Бывали такие, что держали при себе двор, содержали постоянное войско, собирали с подданных налоги, посылали послов в иные земли, как делают нынешние короли, а бывали и такие, что вместо скипетра у них был посох, вместо дворца – холм, поросший дреком и возвышавшийся среди болота. Одни короли ходили в золотых одеждах с драгоценными камнями, носили корону на голове, а другие шагали босиком, с голыми руками до плеч, простоволосые, так что только их кудри с роскошной дикостью развевались по ветру. Мы говорим это в простоте душевной, говорим потому, что в Ирландии и сейчас не редкость встретит молодца шести футов ростом, которого все называют «принцем», а между тем этому «принцу» не на что бывает купить себе табаку для трубки. И вот причина, почему мы готовы допустить, что мелкотравчатый сквайр О’Донагю действительно был потомком каких-нибудь ирландских королей, царствовавших задолго до О’Конноров. В новейшее же время сам сквайр О’Донагю занимал довольно скромную должность управляющего запущенным, невозделанным имением в графстве Гальвей, принадлежавшим одному семейству, члены которого постоянно жили в более культурной Англии и на родину никогда не заглядывали. Имение было большое по пространству, но почти бездоходное. Оно

изобиловало только камнями, хворостом и бекасами. Как ни старался сквайр О'Донагю, ничего путного не мог он выколотить из этого несчастного имения не только для своих доверителей – это бы уж куда ни шло! – но и для себя самого, чтобы содержать свое весьма многочисленное семейство, прямое потомство древнейших ирландских королей.

До получения теперешней должности сквайр О'Донагю, умаляя свой сан, служил курьером и во время этой службы хорошо узнал свет. Это знание света он только и мог оставить в наследство своим детям, потому что больше не имел ничего. А детей было много: три сына и восемь дочерей, и все здоровые, сильные, с соответствующим аппетитом. Поэтому, как только сыновья подрастали, он сейчас же отсылал их из дома пробивать самим себе дорогу. Старшего сына, юношу довольно вялого, он поместил к своему брату в мелочную и табачную лавочку в Дублине. Конечно, для потомка ирландских королей было не особенно почетно отвешивать на один пенс сахару или на полпенса табаку, но зато второй сын, мистер Патрик О'Донагю, с которым мы познакомились в Сент-Джемском парке, сумел до известной степени поддержать престиж знаменитого рода и сделал более приличную карьеру.

Глава IX. В которой с большим вниманием выслушивается совет отца

В качестве управляющего крупным земельным имением сквайр О'Донагю пользовался большим влиянием среди многочисленных фермеров поместья и старался всячески это влияние поддержать, чтобы извлечь из него для себя возможную выгоду. В отплату за услуги, оказанные им при последних парламентских выборах, восторжествовавшая при его поддержке партия предоставила одному из его сыновей патент на прапорщика в одном пехотном полку, стоявшем тогда в Ирландии. В одно прекрасное утро сквайр О'Донагю, прикатив из Дублина, объявил своему сыну Патрику, что он теперь прапорщик такого-то полка.

– Отчего не полковник? – глубокомысленно спросил Патрик.

– Оттого, что ты еще молокосос. Со временем. Бог даст, будешь и полковником, – отвечал отец.

– Ну, что ж, я ничего против этого не имею.

– Ничего не имеешь против! Да ты плясать и прыгать должен от радости. Ведь тебя карьера ждет, неужели ты этого не понимаешь? Ты не только до полковника, до генерала можешь дослужиться, разбогатеешь, сделаешься главным лицом в своей семье. Ты должен немедленно же отправляться к месту службы.

– Хорошо, отец, я отправлюсь. Но только, прежде чем дослужиться до генерала, я долго еще буду мерить землю собственными шагами, это я знаю.

– Ничего, ноги у тебя здоровые.

– Здоровые-то они здоровые, но из них я бы мог сделать и другое употребление.

Читатель, вероятно, удивляется, что Патрик О’Донагю так холодно отнесся к выпавшему на его долю счастью, но дело в том, что сей юноша был по уши влюблен. Это обстоятельство и охлаждало его патриотический пыл. В оправдание юноши следует сказать, что Джюдита Мэк-Крэ была действительно прелестнейшее создание. Расстаться с ней было бы всякому тяжело.

– Как бы то ни было, ты завтра должен ехать в полк, – сказал опять сквайр.

– Ну, раз должен, значит, так и надо. Делать нечего. Поеду. Вопрос решен. А сейчас я, папа, пойду немного прогуляться, надобно размять ноги перед службой.

– Ты уж их достаточно размял сегодня, Пат, – возразил было отец, – ты утром исходил, по крайней мере, тридцать миль по горам, когда охотился.

Но Патрик не слышал слов отца. Он уже был таков и перепрыгивал через каменную загородку, отделявшую огород его отца от владений Корнелиуса Мэк-Крэ.

– Джюдита, – сказал он своей возлюбленной, – я не знаю, как вам и объявить... у меня сердце готово разорваться. Завтра утром я с вами расстаюсь. Уезжаю отсюда.

- Патрик, вы это так только говорите. Вы шутите.
- Какие шутки! Меня записали прапорщиком в полк.
- Я умру, Патрик.
- Скорее же я умру от горя, тем более, что к горю легко может присоединиться пуля или пушечное ядро.
- Что же вы думаете делать, Патрик?
- Думаю пока ехать в полк. Мне нельзя иначе, я завишу не от себя. Потом вернусь. Мое сердце разрывается от части.
- А мое уже разорвалось, - рыдала Джюдита.
- Милочка, не надобно плакать. Этим не поможешь. Если только будет малейшая возможность, я вернусь и буду плясать на собственной свадьбе.
- Только эта свадьба будет у вас с другою, а не со мною, потому что я буду тогда лежать в сырой земле.
- Ну, я рассчитываю не на такой конец. Однако мне нужно идти домой. Выходите вечером к шалашу.
- Неужели же это так необходимо вам ехать? - продолжала Джюдита, вытирая передником слезы.
- Что же делать? Посылают. Но я вернусь полковником.
- Тогда вы и смотреть на Джюдиту Мэк-Крэ не захотите, а не то что жениться на ней.
- Потихе, Джюдита, вы задеваете мою честь. Даже если я генералом сделаюсь, я на вас женюсь.

- О, Патрик, Патрик!

Патрик обнял молодую девушку, поцеловал и поспешил домой, напомнив ей:

- Смотрите же, не забудьте: вечером у шалаша.

Дома он застал мать и сестер в слезах. Они пересматривали и собирали его гардероб, о, очень скромный. Отец сидел у камина и, увидав сына, сказал ему:

- Подойди сюда и сядь. Я тебе дам несколько советов, а то в Дублине у нас, пожалуй, и времени не найдется поговорить.

Патрик сел на стул и приготовился слушать.

- Ты, я думаю, и сам знаешь, Пат, что быть офицером королевской армии очень хорошо и почетно. Никто тебя не посмеет тронуть, зато ты можешь тронуть, кого захочешь. Этим все сказано.

- Правда, - согласился Патрик.

- Находясь в неприятельской земле, ты, если сумеешь хорошенько высмотреть что нужно, можешь собрать себе недурную добычу.

- Верно, - согласился Патрик.

- Ты знаешь сам, Патрик, что король требует от офицеров, чтобы они одевались и жили, как приличные джентльмены, средств же на это им не дает. Следовательно, тебе придется выкручиваться тут самому, как ты сумеешь.

- Понятно, - сказал Патрик.

- Ты должен хорошенько себе выяснить, что ты можешь делать и чего не можешь. Все у тебя должно быть на вид корректно, по-джентельменски, чтобы никто не мог против тебя слова сказать.

- Естественно, - сказал Патрик.

– Возможно, что тебе придется наделать долгов – джентльмену это разрешается. Возможно, что ты окажешься не в состоянии их заплатить – это тоже джентльмену не укор, это бывает сплошь да рядом. Но только больше двадцати фунтов не должай, потому что свыше этой суммы для должника начинаются неприятные последствия по закону, до этой же суммы не опасно.

– Понимаю, отец.

– Запомни, Патрик, что люди судят почти всегда по наружности. Если ты говоришь о себе скромно, у тебя и кредит будет соразмерный.

– Понимаю, отец.

– В графстве Гальвей у нас у самих владения не ахти какие, это известно. Но о здешнем имении ты можешь говорить так, как будто я в нем не управляющий только, а сам помещик. Когда, например, ты заведешь речь о своих охотах и о том, как много здесь бекасов, говори всегда: наше поместье.

– Понимаю, отец.

– Упоминай почаще о том, что ты младший сын. Это будет для тебя оправданием в том, что у тебя лично мало денег, хотя семья твоя и богата.

– Ясное дело!

– Еще одно. Тот полк, в который ты сейчас поступаешь, здешний, ирландский. Постарайся при первом удобном случае перейти в другой.

– Зачем?

– Вот зачем. Ты здешний уроженец, твои слова здесь каждый легко может проверить. А в Англии все, что ты ни скажешь, будет приниматься на веру. Славны бубны за горами.

– Это тоже довольно справедливо.

– Смотри же, держись всего того, что я сказал тебе, – это житейская мудрость, а тебе ведь карьеру нужно делать. Помни, что никогда не следует хвататься за несбыточные надежды. Иди всегда вперед, не оглядываясь назад. Охотно соглашайся на все, что от тебя потребует начальство. Велят – охотно становись против пушечного жерла: за это чины даются. Пошлют – охотно иди хоть на край света, даже на тот свет, не рассуждая. Будешь так поступать – сделаешься полковником, генералом и, может быть, еще там чем-нибудь.

– Да чем же еще можно сделаться, отец?

– Попомни, Пат: для тебя оказалось большим счастьем, что я имею сейчас возможность воспользоваться частью доходов моего доверителя, чтобы снабдить тебя необходимыми деньгами. Иначе как бы мы выкрутились – я уж и не знаю, знает один Бог да его святые. При годовом отчете нужно будет пополнить растрату, но это легче сказать, чем сделать. Придется поэтому просто соврать, написать, что будто фермеры бедствуют, нищенствуют, показать в отчете ложный неурожай картофеля, – сочинить, будто двадцать человек умерло от голода. Это ему как бы в наказание за то, что он ирландские деньги проживает на чужой стороне. Я поступаю даже патриотично, если хочешь, потому что теперь эти деньги останутся в Ирландии... Так вот, Патрик, это все, что я хотел тебе сказать. Можешь идти прощаться со своей Джюдитой, я ведь отлично знаю, где тут у вас кошка прыгает, но предоставляю тому старику, который зовется Временем, сделать свое дело.

Таковы были советы отца сыну. В смысле житейской мудрости они были недурны и несомненно могли пригодиться Патрику наравне с деньгами, полученными от отца.

На другой день они выехали в Дублин. В голове Патрика стоял настоящий сумбур: тут были и советы отца, и Джюдиты, и мечты о будущем величии. Юношу зачислили в полк, обмундировали, ввели в общество офицеров – и отец простился с ним, оставив ему свое родительское благословение и открытую теперь для него дорогу к карьере. Через две недели полк был укомплектован и отправлен в Ливерпуль, из Ливерпуля в Мэдстон, где простоял несколько времени, усиленно занимаясь строевым учением, так как в нем было много новобранцев, которых нужно было обучить. Не прошло и года, как уже Патрику выпал случай исполнить отцовский совет и перевестись в другой полк. Этот полк отправляли в Вест-Индию, и Патрик переменялся вакансией с одним прапорщиком, не пожелавшим туда отправиться, причем за уступку своей

вакансии получил хорошую приплату. В Вест-Индии воевать ни с кем не пришлось, и вскоре Патрик возвратился домой в том же чине. Через пять лет он добровольно перевелся в полк, находившийся в заграничном походе, и был произведен в поручики на открывшуюся бесплатную вакансию после одного убитого офицера.

Через пятнадцать лет трудной службы О'Донагю получил, наконец, давно ожидаемый чин капитана. Убедившись, что на военной службе ему не везет, он вышел в отставку с пенсией в размере половины оклада жалованья и задумал предложить какой-нибудь вдове или девице свою красивую наружность в обмен на хорошее приданое. За время своей службы в армии Патрик О'Донагю сильно переменялся. Вращаясь постоянно среди людей себялюбивых и бездушных, он и сам мало-помалу утратил все прежние хорошие чувства. Правда, он долго не забывал своей Джюдиты, но теперь ее давно уже не было в живых. Получив ложное известие, будто Патрик умер от желтой лихорадки, она стала тосковать, чахнуть – и умерла, завяла, как подснежник. Единственная прочная нить, связывавшая его с Ирландией, оборвалась, житейские советы отца не были забыты, и О'Донагю стал считать весь мир своей родиной. Живя на скудную пенсию, он очень нуждался и все искал богатой невесты, надеясь создать себе положение выгодной женитьбой. Он по-прежнему был великодушен и храбр – эти качества присущи большинству ирландцев, – но все остальное в нем если не заглохло, то заснуло в ожидании благоприятных обстоятельств. Он очерствел от житейской суеты и злобы. А между тем, если бы Джюдита была жива, если бы он мог положить ей на грудь свою голову, – как бы он был счастлив, живя у себя на родине, где его маленькая пенсия была бы все равно, что целое состояние.

Глава X. Майор Мэк-Шэн рассказывает про разные любопытные марьяжные комбинации

Нашего маленького героя одели грумом и сделали доверенным слугою капитана О'Донагю, который квартировал в третьем этаже на фешенебельной улице. Он быстро приобрел опытность и сноровку, и когда капитан завтракал дома или заказывал Джо просто какую-нибудь холодную закуску в течение дня, тот всегда умел устроить это чрезвычайно экономно.

Раз утром, когда капитан О'Донагю сидел в халате и завтракал, Джо отворил дверь и доложил о майоре Мэк-Шэне.

– Вы ли это, О'Донагю? – сказал майор, протягивая руку. – Что вы думаете о моем визите вам? Цель его, я вам скажу, для меня совсем необыкновенная – ни больше, ни меньше, как уплата вам двадцати фунтов, которые вы дали мне займы три года тому назад. Сознаться, что вы уже не рассчитывали получить их в этой жизни, а разве в будущей.

– Совершенно верно, я решил, что это дело давно умерло и погребено, и даже не вспоминал о нем. Теперь эти деньги являются ко мне как бы с того света.

– А между тем это как есть настоящие деньги, вот смотрите – в четырех банковых билетах: один, два, три, четыре, по пяти фунтов каждый, следовательно в итоге двадцать. Ну-с, О'Донагю, рассказывайте, где вы были это время, как поживаете, что поделяваете теперь, что делали прежде и что собираетесь делать потом. Видите, я делаю вам обстоятельный допрос.

– В Лондоне я живу месяц, ничего до сих пор не делал, ничего сейчас не делаю и что буду делать – не знаю. Вот вам обстоятельный ответ на ваш обстоятельный допрос.

– О себе скажу все, что есть, не дожидаясь вопросов.

Последние два года я прожил в Лондоне: первый год проканителлся с ухаживанием, а второй год проканителлся с бракосочетанием.

– Значит ли это, что вы женаты? Если да, то счастливы ли вы?

– Семейное счастье – вещь очень глупая, это факт.

Но как я большую часть своей жизни провел, думая о том, куда бы пойти пообедать, то теперь нахожу, что сделал очень хороший выбор.

– А могу я узнать, с кем это майор Мэк-Шэн соединил на всю жизнь свою прекрасную особу?

– Вы находите ее прекрасной? Знаете, я как та некрасивая леди, которая говорила зеркалу: «Прошу меня не отражать». Вы хотите знать, на ком я женат? В таком случае приготовьтесь выслушать рассказ обо всех моих похождениях с самого начала, потому что женитьба моя – их конец.

– Я с удовольствием выслушаю ваш рассказ. Начинайте, пожалуйста.

– Напомните мне, О’Донагю, где мы с вами в последний раз виделись?

– Если не ошибаюсь, при высадке на берег в ***, где вас, помнится, рапортовали убитым.

– Верно, но только убит был не я, а сержант Мурфи. Отчаянный был человек этот сержант Мурфи. Вот дрался-то! Но только он не был убит, а сам себя убил, потому что не мог сдать отчетов. Жаль малого: умер без напутствия, но все же – царство ему небесное! Я получил рану в ногу и не мог ходить, а между тем вы все отступили и бросили меня одного. Я попал в плен и был отведен в город, но поместили меня не в госпиталь и не в тюрьму, а в дом к одной старой даме, очень богатой, очень знатной. На другой день ко мне явился хирург и вежливо объявил, что ногу мне нужно будет отнять. Я его, также очень вежливо, послал к черту. Мою сторону приняла старая дама и объявила, что будет лечить меня на свой счет и пригласит другого врача. Она так и сделала, и присланный врач залечил мне ногу в какой-нибудь месяц. В конце концов старуха не на шутку в меня влюбилась, я хоть она далеко не соответствовала «грезам моего воображения», как это говорится, но для меня, голяка, имела привлекательность в другом отношении. Правда, у нее был во рту всего один зуб, торчавший на полдюйма из-под верхней губы, но зато она была очень богата. Назначен был у нас даже уж и день для свадьбы, но ее родственники успели пронюхать – старая дура не могла не проболтаться – и в один прекрасный день ко мне явился взвод солдат с унтер-офицером, который вежливо мне объяснил, что прислан отвести меня в тюрьму. Это было и неприятно, и незаконно. Как офицер, я имел право быть отпущенным на честное слово. В этом смысле я написал письмо командующему офицеру, а тот предложил мне на выбор: или отказаться за известное вознаграждение от старой дамы, у которой есть могущественная богатая родня, не желающая допустить такой нелепый брак, или же сесть в тюрьму. Я подумал: с одной стороны – богатство, связи, но зато с другой – единственный торчащий во рту зуб и угроза содержанием в тюрьме. Если же откажусь – буду отпущен даже не на честное слово, а без всяких условий, и, кроме того, мне дадут известную сумму денег. Я согласился и променял старуху

с длинным зубом на освобождение из плена. Меня снабдили деньгами и отвезли на небольшом корабле в Гибралтар. Там мне выдали причитавшееся за несколько месяцев жалованье, что с полученной от родных старухи суммой составило очень круглую цифру. С этих пор я решил, что буду очень осторожен, но опять чуть было не попался в сети одной хитрой вдовы. Еще дня два – и быть бы бычку на веревочке. Да.

– Что вы, Мэк-Шэн! В ваши-то годы!

– Вот то-то и оно. Вдовушка была лет тридцати, хорошенькая, дородненькая, с бюстом, и такая веселая, разбитная. Сначала разговоры, потом я ее стал провожать до дому, потом получил приглашение бывать. Исполнял разные ее поручения, между прочим каждую неделю получал для нее по чекам из байка по 25 фунтов. Дело шло, я был пойман. За два дня до свадьбы я пришел к своей вдовушке через незапертый подъезд и услышал громкий спор между нею и домовою хозяйкой, которая требовала с нее квартирную плату, а вдовушка просила подождать, говоря, что через два дня выйдет замуж и все заплатит. Оказалось, что у вдовушки шесть человек детей и 80 фунтов в год пенсии. Она искала себе нового покровителя, и этим покровителем должен был сделаться майор Мэк-Шэн. Понятно, я сейчас же выбежал вон и был таков. С тех пор я ее так и не видал.

– Клянусь Святым Патриком, вы отделались очень счастливо.

– Еще бы! Подумать только: это чертовка хотела навязаться мне на шею с полудюжиной детей при 80 фунтах в год! После того для меня отыскалась новая невеста: дочь немца-кондитера, лет семнадцати девушка, пребогатая и пренаивная. Я ее уговорил обвенчаться со мной тайком, все было готово, я приехал за ней в почтовой карете, но явился папенька – и все расстроилось.

– А вот это, пожалуй, жаль, – заметил О’Донагу.

– Ну, не знаю, как вам сказать. Во всяком случае это дело кончилось. После того явилось новое приключение – хорошенькая дочка одного адвоката из Ченсери-Лэна, имевшая, как говорили, свое собственное состояние по наследству от бабушки. Веселая была такая, все смеялась и шутила. Мое ухаживание ей как будто понравилось, она согласилась со мной бежать и обвенчаться. В один прекрасный вечер я приехал за ней в карете, она вышла вся закутанная в плащ,

я взял ее в экипаж, и мы помчались, как будто за нами гнались все черти. Я принялся говорить всевозможные ласковые слова, клялся сделать ее счастливой. Хотел поцеловать ее – она закрылась перчаткой. Хотел обнять за талию – она уклонилась. Я приписал это девичьей робости и стыдливости. Наконец, когда мы проехали не меньше пятнадцати миль, раздался взрыв смеха, и я услышал слова:

– Я думаю, майор Мэк-Шэн, мы уже отъехали довольно далеко.

Оказывается, со мною сел негодяй, ее брат! Это она нарочно устроила, чтобы меня высмеять!

– Мне кажется, молодой человек, – сказал я, – что вы не только отъехали довольно далеко, но даже чересчур далеко заехали.

С этими словами я набросился на него и избил до полусмерти: расквасил ему нос, наставил синяков под глазами, выбил половину зубов и, наконец, выбросил его из кареты на всем ходу, не заботясь о том, что он может попасть под колеса. С тех пор я больше не видал ни его самого, ни его сестры.

– Рассказывайте дальше, майор. Когда же вы, наконец, оказались женатым?

– Ухаживание и сватовство вещь убыточная, в особенности, когда нанимаешь почтовые кареты без всякой пользы. Денежки мои стали подходить к концу. Я сказал сам себе: «Майор Мэк-Шэн, надобно тебе, батенька, себя поурезать». И урезал. Вместо ресторана решил обедать в кухмистерской и стал ходить в одну такую в Гольборне. Там за один шиллинг и шесть пенсов давали отличный обед из двух блюд (например, говядина с картофелем и плумпудинг), и я во всю мою жизнь не бывал так доволен столом. Прислуживали в кухмистерской такие славные, милые девушки – я с ними все, бывало, шучу и балагурю – и держала ее очень милая и любезная дама чрезвычайно добродушного вида. Столовая работала бойко, выдавая не менее двухсот обедов каждый день. Публика была очень приличная – и не мудрено: обеды были всегда великолепные. Я и сам не знаю, как это случилось, но только с хозяйкой мы очень подружились, и однажды, уписывая превосходнейший пирог с мясом, я спросил ее, не собирается ли она во второй раз замуж. Она покраснела и опустила глаза к пирогу, который в это время резали. Я продолжал: «Если бы вы посмотрели на меня так же внимательно и так же глубокомысленно, как смотрите на этот

мясной пирог, то вы бы увидели в моем сердце ваше собственное изображение». Через месяц мы были мужем и женой. И какими обедами стали меня кормить, О'Донагю, если бы вы знали! Я вас непременно угощу, если вы не постесняетесь заглянуть как-нибудь в нашу лавочку. Квартира у нас, скажу не хвастаясь, очень комфортабельная.

- По-моему, Мэк-Шэн, вы сделали очень умно: у вас теперь жена, которая сама добывает деньги, а не только умеет их проживать, как другие жены.

- И к тому же, О'Донагю, я получил гораздо более того, на что рассчитывал, тогда как обыкновенно бывает наоборот. У ней, кроме столовой, оказалось очень много денег, и с каждым годом их накапливается все больше и больше.

- И эти деньги, разумеется, поступили в ваше полное распоряжение?

- Нет, О'Донагю, я сам этого не захотел. Я не желал, чтобы она подумала, будто я женюсь только из-за денег. После свадьбы я стал просто откладывать всю свою пенсию, потому что теперь квартира и стол были у меня даровые. С неделю ждала она, когда же я заговорю об ее средствах, но я не заговаривал. Тогда она сама объявила мне, что у нее отложено 17 000 фунтов процентными бумагами, и что столовая дает ей 1000 фунтов в год чистой прибыли. Я сказал, что очень за нее рад, и сделал вид, что мне очень хочется спать. Вообще я постарался выказать полное равнодушие к ее богатству. Это ей не понравилось, и она сама предложила мне взять у нее денег, сколько мне нужно. Я ответил, что с меня вполне довольно моих. Сегодня утром я ей сказал, что в Лондон приехал мой товарищ-офицер, которому я давно должен, и что нужно бы отдать ему этот долг. Тогда она сунула мне в руку толстую пачку банковых билетов и была очень огорчена, когда узнала, что нужно всего только 20 фунтов. Я поступаю так, О'Донагю, из принципа. Раз она зарабатывает деньги, так она же пусть ими и распоряжается - и так останется до тех пор, покуда мы будем с ней добрыми друзьями. Даю вам честное слово, что я люблю ее так, как не думал, что буду любить какую-нибудь женщину. Она добра, нежна и кротка, совсем как ангел, хотя наружность у нее далеко не ангельская. Что же делать, на этом свете всего не совместишь! Скажите, О'Донагю, что вы думаете о моей женитьбе?

- Вы должны непременно представить меня вашей супруге, Мэк-Шэн.

– С удовольствием. Фигурой моя жена напоминает мясную тушу, но зато сердце у нее – сама красота, а пирог с мясом она делает так, что вы себе все пальчики оближете, когда попробуете.

Глава XI. Откровенность за откровенность и добро за добро

– Теперь, О’Донагю, если вам еще не надоело сидеть со мной, расскажите мне про себя, как вы поживали сами после того, как мы расстались.

– Извольте, дорогой товарищ, я расскажу вам все, но только интересных приключений у меня не было никаких. Я был в Бате, в Чельтенгаме, в Харрогэте, в Брайтоне и сталкивался с самыми разнообразными людьми. Встречал много хорошеньких девушек, но эти хорошенькие девушки были, как и я же, почти все без единого грошика, а барышни с приданым были или слишком уж некрасивы или просто мне не нравились. Раза два или три я сватался и получал отказ, раз семь или восемь имел случай жениться, но не захотел сам. Всякий раз меня удерживал образ одного ангела, которого я лишился навсегда. За все время я встретил только одну особу, которая, я знаю, могла бы заслонить от меня этот образ, заменить мне его до известной степени, но я боюсь, что и эта особа тоже для меня навсегда утрачена. Я решил, что я женюсь на деньгах, только на одних деньгах, но буду своей жене хорошим мужем и никогда не дам ей заметить, что я женился на ней из расчета. И уж дешево я себя не продам.

– Отлично, мой дорогой. Вы мужчина на редкость красивый и легко можете прельстить собой какую-нибудь богатую вдовушку. Но скажите, О’Донагю, если это не секрет: кто та особа, которая, видимо, сделала на вас сильное впечатление, так что вы ее до сих пор не забыли?

– Я с ней встретился в Комберлэндских озерах и, будучи знаком кое с кем из ее кружка, получил приглашение присоединиться к их компании. В ее обществе я провел дней десять в Уайндермере, Эмбельсайде, Дервентватере и других местах. Она была титулованная иностранка.

– Вот даже как!

– Кроме того, я узнал потом, что у нее огромные земли в Польше. Она была очень красива, очень умна и образована, говорила по-английски и на многих других языках. Лет ей было – года двадцать два или двадцать три, вот так.

– Могу я спросить, как ее звали?

– Княжна Чарторинская.

– Так вы княжну себе подцепили? И что же – ухаживали за ней, добивались ее любви?

– Разве княжна не такая же женщина, и разве я не ирландец? Раз я бы полюбил женщину, то будь она хоть самым римским папой – а ведь была же, пишут, римским папой женщина под именем Иоанна какого-то там – я сумел бы ее добыть. Да, я за ней ухаживал и, ухаживая, влюбился настолько серьезно, что не забуду ее, проживи я хоть тысячу лет. Я буду всегда ее помнить с моей бедной Джюдитой. После Джюдиты я думал, что уже не люблю больше никого, что у меня сердце зачерствело, как у ростовщика, но, оказывается, ошибся.

– Скажите, а она как? Платила вам взаимностью?

– Она была ко мне равнодушна, это я могу сказать без хвастовства. Перед нашим расставанием я провел с ней наедине минут пять и сказал ей, что мне очень тяжело с ней прощаться. И тут я, кажется, в первый раз в жизни был искренен, голос у меня прерывался и был едва слышен. Она, должно быть, прочла на моем лице искреннее чувство и ответила: «Если вы правду говорите, то мы, значит, увидимся будущей зимой в Петербурге. До свиданья, я буду вас ждать».

– Эти слова много значат – во всяком случае.

– Я пробормотал, что непременно так сделаю, если будет можно, а сам тут же почувствовал, что этому никогда не бывать, потому что мне просто не на что будет поехать в Петербург. Другое дело, будь у меня средства, – о, для свиданья с ней я поехал бы не только в Петербург, а хоть на край света.

– Прескверное ваше положение, О’Донагю. Впрочем, на свете почти всегда так бывает. Я замечал, хотя был мальчиком, что самые лучшие и спелые яблоки висят обыкновенно над забором выше всех, так что их не достанешь. Могу ли я зайти за вами завтра, чтобы представить вас моей жене, мистрис Мэк-Шэн?

– Я буду очень счастлив представиться вашей доброй супруге, милый Мэк-Шэн. До свиданья, будьте здоровы и счастливы. Погодите, я позвоню моего маленького лакейчика, он вас выпустит.

– Славный он у вас мальчик, О’Донагю: такой проворный, ловкий, смотрит соколом. Где вы его добыли?

– В Сент-Джемском парке.

– Гм! Несколько странное место для найма прислуги.

– Вы помните Рошбрука у меня в роте?

– Как не помнить! Это был ваш лучший солдат. Заведовал продовольствием. Фуражир был замечательный!

– Так это его сын.

– А, пожалуй, он и похож на отца, только у него приятнее лицо.

О’Донагю рассказал майору, как он встретился с Джо, и друзья расстались.

На следующий день, почти в такой же час, Мэк-Шэн пришел опять навестить друга и застал его уже одетым, чтобы идти вместе с ним к майору в дом.

– Погодите, О’Донагю, не торопитесь так познакомиться с мистрис Мэк-Шэн. Я сперва расскажу про нее одну вещь, вследствие которой она произведет на вас при первом свидании более благоприятное впечатление, чем обыкновенно. Присядьте и погодите надевать перчатки. Я передам вам наш вчерашний с ней разговор перед самым сном, когда мы оба уже готовились перейти в объятия Морфея. Не стану пересказывать ее вопросы о вас, мои ответы – скажу только, что я о вас наговорил кучу хорошего. В конце концов она заметила, что с вашей

стороны было большой любезностью дать мне займы денег, и что она за это готова полюбить вас, как друга. Тогда я сказал, что вы очень несчастливы в своих предприятиях, что вам не повезло. Она поинтересовалась, в каком отношении. Я сказал, что это очень долго рассказывать – длинная история, а мне хочется спать, и, разумеется, только еще больше разжег ее любопытства. Чтобы сделать ей удовольствие, я не лег, а остался пока на ногах и рассказал ей приблизительно то, что слышал вчера от вас, прибавив к этому, что вот уже наступает зима, но что между тем вы не можете исполнить свое обещание – съездить в Петербург. Как вы думаете, что она сказала на это, добрая душа? Она сказала: «Мэк-Шэн, если ты меня любишь, и если ты чувствуешь благодарность к товарищу за то, что он тебя выручил в свое время, ты завтра же отвезешь ему денег, сколько нужно на поездку и даже больше, сколько вообще он спросит. Если он добудет себе невесту, он нам отдаст, а если нет – ну, что ж, ничего, деньги дело наживное». – «Это очень хорошо с твоей стороны, душа моя, – сказал я, – но не согласилась ли бы ты, чтобы и я с ним поехал? Я ему буду очень полезен в таком деликатном деле». Действительно, О’Донагю, я думаю, что принесу вам пользу, если поеду, и, кроме того, мне самому следует развлечься, переменить на время обстановку. Она серьезно спросила: «А без тебя он разве не сможет?» Я отвечал: «Боюсь, что нет. И хотя я прожил почти всю свою жизнь в казармах, света не знаю и не люблю, но для такого товарища, который всегда был добр ко мне...» – Она перебила: «Долго ли ты рассчитываешь пробыть в отсутствии?» – «Самое большее – месяца два». – «Ну, хорошо. Мне твоя поездка нисколько не улыбается, но раз ты говоришь, что это необходимо, так уж поезжай. Нечего делать!» Она даже вздохнула, бедняжка! – «В таком случае, я поеду», – сказал я. – «Да, сказала она, – это твой долг. Я пришла к решительному заключению» – «Как ты скажешь, так я и сделаю», – сказал я, – «но отложим вопрос до завтра, а сейчас давай ложиться спать». Утром сегодня она объявила, что ее решение окрепло, и что она меня отпускает, потом выдвинула ящик, достала триста фунтов золотом и билетами и сказала, что если окажется мало, то мы напишем, и она пришлет. Не правда ли, О’Донагю, ведь золото, ведь бриллиант, а не баба? Вот и деньги.

– Правда, Мэк-Шэн, она золото, но не потому, что дала мне денег, а потому что у нее сердце замечательно доброе и отзывчивое. Относительно же вас, Мэк-Шэн, я не знаю, зачем, собственно, вам ехать со мной?

– Разве вы не думаете, что я могу быть для вас чем-нибудь полезен?

– Думаю и не сомневаюсь, что вы будете мне полезны, но только сейчас я еще не вижу, чем и как.

– А я вижу, и если вы не возьмете меня с собой, это будет с вашей стороны очень нелюбезно. Мне несводима легкая перемена обстановки, потому что, видите ли, О’Донагю – семейное счастье такая вещь, к которой нужно приучаться постепенно.

– Ну, будь по-вашему. Только я боюсь, что причину горе вашей добрейшей супруге.

– Она так занята своим делом, что у нее просто времени не будет скучать без меня. Зато сколько будет у нее радости потом, когда я вернусь домой!

– Пожалуй, что и так. Ну, а теперь позвольте мне, наконец, пойти и засвидетельствовать мистрис Мэк-Шэн мое искреннее почтение и принести ей мою глубокую благодарность.

Капитан О’Донагю застал мистрис Мэк-Шэн среди обычных хлопот с посетителями столовой. Капитан нашел ее чрезвычайно симпатичной и милой, хотя, правда, несколько тучной. Она невольно располагала к себе каждого своей простотой, добротой и искренностью. Пообедали втроем. О’Донагю сумел ей понравиться. Было решено, что на этой же неделе оба джентльмена сядут на корабль, отходящий в Гамбург, чтобы проследовать оттуда в Петербург. С ними поедет и Джо в качестве мальчика-слуги.

Глава XII. По старинному – за море по невесту

Первым шагом О’Донагю было достать общий паспорт для себя и для своей свиты. При этом не обошлось без спора. Мэк-Шэн пожелал не называться в паспорте офицером, а просто слугою капитана О’Донагю, уверяя, что он не только принесет этим больше пользы своему другу, но и придаст ему больше важности. О’Донагю спорил, спорил, но в конце концов уступил, и паспорт был составлен, как требовал майор.

– Клянусь Св. Патриком! Надобно будет достать рекомендательных писем, – сказал О’Донагю. – Но как это сделать? И к кому? Ну, конечно, прежде всего к английскому послу... Схожу, попробую к принцу-главнокомандующему, не даст ли он.

О’Донагю сейчас же отправился и был немедленно принят, потому что оказался приемный день. О’Донагю обратился к его королевскому высочеству с ходатайством, не соблаговолит ли его высочество дать ему несколько рекомендательных писем по случаю его отъезда в Россию по одному секретному делу. Его высочество изволил совершенно справедливо заметить, что рекомендательные письма должны дать ему те, кто его посылает, и потом спросил его, где он служил, какой на нем чин и пр. Из ответов принц убедился, что перед ним заслуженный офицер. Тогда его высочество задал вопрос, по какому же это секретному политическому делу едет в Россию капитан О’Донагю? Его высочество что-то не слышал ни о чем подобном.

– Ваше королевское высочество, тут маленькое недоразумение. Я не говорил, что еду по политическому делу. Я еду по личному делу, составляющему для меня, действительно, большой секрет.

О’Донагю набрался смелости и решил быть откровенным до конца. Он сказал, что дело идет об одной даме из самого высшего общества, и что если он не получит рекомендаций, открывающих ему двери в это общество, то и не встретится нигде с этой дамой. Вот почему он и осмелился обратиться к его высочеству, полагая, что раз он, капитан, служил королеве и родине верой и правдой, то ему не откажут в его невинном ходатайстве.

Его высочество рассмеялся от души на такое откровенное признание и, не находя причины отказать капитану в двух-трех рекомендательных письмах, велел написать их, подписал и вручил просителю. О’Донагю земно поклонился принцу и ушел из дворца в восторге, что его дерзкое предприятие так блистательно удалось.

Запасшись всем необходимым, наши путешественники сели на корабль, шедший в Гамбург, куда и прибыли вполне благополучно, хотя и страдая морской болезнью. Из Гамбурга они проехали в Любек, там в Травемюнде сели опять на бриг, шедший в Ригу. Ветер был попутный и они доехали скоро. Остановились в гостинице и увидели, что приехали в страну, где по-английски никто не понимает. О’Донагю отправился в английское консульство, объявив консулу, что

едет в Россию со специальным поручением, и в подтверждение своих слов показал ему рекомендательные письма от принца. Для консула этого было совершенно достаточно, и он предложил О'Донагю свои услуги. Не имея возможности отыскать для него курьера, говорящего по-английски или хотя бы по-французски, консул сам облегчил ему задачу, как доехать до Петербурга. Он дал ему список почтовых станций, сделал расчет поверстной платы, разменял ему часть золота на русские бумажные деньги и вообще объяснил все, что нужно. Трудно было найти экипаж и лошадей для поездки, но в конце концов и это затруднение уладилось: нашли какую-то колымагу на четырех колесах, и, простившись с консулом, путешественники сели и покатили.

– Ну, Мэк-Шэн, берите себе деньги и расплачивайтесь дорогой с ямщиком и со всеми, – сказал О'Донагю, подавая майору пачку красных, синих, зеленых и грязно-белых бумажек.

– Неужели это деньги? – спросил с удивлением Мэк-Шэн.

– Деньги. Это рубли.

– Рубли? Вот что. Я бы скорее подумал, что это просто какие-нибудь ярлыки для наклеивания на бутылки, ящики и коробки.

Путешественники ехали день и ночь, не жалея ямщику на водку, и сравнительно быстро доехали до северной русской столицы.

У заставы, при въезде, у них первым делом спросили паспорта. Заставный офицер вышел из своего домика и объявил, что их проводит казак. Казак действительно был тут верхом, с длинной пикой и длинной бородой. Он поехал впереди экипажа, а ямщик пустил лошадей за ним совсем шагом.

– Мы под арестом, что ли? – спросил Мэк-Шэн.

– Не знаю, но очень похоже на то, – отвечал О'Донагю.

Ареста никакого не было. Экипаж выехал на великолепную улицу – Невский проспект – и, как только он остановился у гостиницы, казак переговорил что-то с вышедшим на подъезд хозяином и сейчас же уехал.

Четыреста верст в тряском экипаже, притом же день и ночь без отдыха – не шутка. Путешественники крепко выпались в отведенном для них просторном номере, очень чистом в хорошо обставленном. На другой день Джо оделся в красивую ливрею, а еще через день хозяин гостиницы подыскал курьера, говорившего на трех языках, и достал напрокат экипаж помесечно. Курьеру сшили красивую форму, и на общем совете решили, что О’Донагю может теперь ехать с визитами и развозить рекомендательные письма английскому послу и другим лицам.

Глава XIII. Содержащая в себе кое-какие сведения о городе Петербурге

За триста рублей в месяц О’Донагю нашел для себя шикарный выезд – пролетку парой с отлетом. В корню был отличный рысак, а красивая пристяжная ходила вскачь, завиваясь кольцом, то есть загибая голову вбок и вниз так, что носом почти дотрагивалась до своих колен. Выезд был такой, что прохожие останавливались и любовались. У кучера Афанасия была борода самая большая во всем Петербурге. Джо был самым маленьким в Петербурге казачком, а курьер Дмитрий самым рослым и представительным выездным. Все это стоило больших денег, но деньги были истрачены не напрасно, и в один ясный, солнечный день капитан О’Донагю сел в свою пролетку и помчался к английскому послу. Письма были очень короткие, но писавшая их высокая особа пользовалась таким всеобщим почтением и любовью, что посол, лорд Сент-Г, тут же попросил О’Донагю считать его дом всегда для себя открытым, позвал его обедать на следующий день и предложил представить его императору на ближайшем выходе. О’Донагю простился с послом в полном восторге от своей удачи, и поехал с письмами к княгине Воронцовой, к графу Нессельроде и к князю Голицыну. Его и тут приняли очень хорошо. Покончив с визитами, он велел кучеру ехать на Английскую набережную, потом на Дворцовую, потом на Невский проспект и, покатавшись часа два, чтобы везде показать свой щегольский выезд, возвратился в гостиницу.

– Я теперь очень досаую, – заметил О’Донагю, когда рассказал Мэк-Шэну про свою поездку, – что согласился назвать вас в паспорте моим слугою. Вы бы точно так же могли развлекаться, как и я, и сохранили бы свое общественное положение.

– А вот я так несколько об этом не жалею и ничуть не досажую, О’Донагю, – отвечал Мэк-Шэн. – Я достаточно позабавился и поразвлекся в свою жизнь, и даже больше, чем достаточно. После же обедов и вечеров с посланниками, князьями и графами мне бы, пожалуй, кухмистерская мистрис Мэк-Шэн стала казаться уже менее комфортабельной. Натанцевавшись с графинями и герцогинями, нашептавши им на ушко разных любезностей, перечекавшись шампанским почти со всею русскою знатью, я бы, чего доброго, стал презрительно относиться к своей домашней обстановке и к бифштексам-пай мистрис Мэк-Шэн, и сама мистрис Мэк-Шэн показалась бы мне, пожалуй, толще обыкновенного. Нет, нет, так гораздо лучше. Я очень умно придумал, хотя самого себя хвалить не следует.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/frederik-marriet/brakon-er>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)